

УДК 341.645:341.231.14

Е. А. Коваль

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия,
e-mail: nwifesc@yandex.ru

ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЯЗЫКУ ВРАЖДЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОКАЛИЗАЦИИ¹

Использование языка вражды в публичном пространстве в большинстве государств глокального мира признается негативной практикой. Однако способы противодействия данной практике отличаются друг от друга. В статье описываются две основные модели противодействия использованию языка вражды в публичном пространстве: американская и европейская.

В американской модели отдается приоритет Первой поправке, защищающей свободу слова как одну из основных культурных и политических ценностей, и аргументу легитимности. Европейская модель противодействия характеризуется более критичным отношением к высказываниям, идентифицируемым как язык вражды. Здесь свобода слова занимает иное положение в иерархии ценностей, и в тех случаях, когда использование языка вражды противоречит основным нормам и ценностям, закрепленным в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, это влечет за собой привлечение к установленной законом ответственности. Таким образом, в европейской модели в каждом конкретном случае предметом оценки на нормативность/ненормативность публичного использования языка вражды является реальный конфликт интересов, разворачивающихся в определенном социально-правовом контексте.

На примере анализа практики Европейского суда по правам человека по соответствующей категории дел исследуются проблемы применения европейской модели противодействия языку вражды в условиях глокализации и быстрого развития Интернет-коммуникаций.

Ключевые слова: язык вражды, Европейский суд по правам человека, американская модель противодействия, европейская модель противодействия, глокализация.

THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS TO COUNTER HATE SPEECH IN THE GLOCALISATION CONDITIONS²

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00710.

² The reported study was funded by RFBR, project number 18-011-00710.

E. A. Koval

The Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)»,
Saransk, Russia,
e-mail: nwifesc@yandex.ru

The use of hate speech in public space is recognized as negative practice in most states of the glocal world. However, ways to counter this practice are different from each other. The paper describes two main models of counteraction the use of hate speech in a public space: American and European.

The priority is given to the First Amendment in the American model, which protects freedom of speech as one of the main cultural and political values, and to Legitimacy Argument. The European model is characterized by more critical attitude towards statements identified as hate speech. Freedom of speech occupies a different position in the values hierarchy, and in cases where the use of hate speech contradicts the basic ideas of the European Convention on Human Rights, this entails bringing to responsibility established by law. Thus, in the European model, in each case, the subject of the assessment of the normative / non-normative use of the hate speech is a real conflict of interest in a particular social and legal context.

The article considers some problems of applying the European model counteraction the hate speech in the glocalisation conditions and in context of the Internet communications development by using the example of analyzing the practice of the European Court of Human Rights in the relevant cases.

Keywords: hate speech, the European Court of Human Rights, American model of counteraction, European model of counteraction, glocalisation.

Введение

В последнее время кейсы о привлечении к юридической ответственности за использование языка вражды в публичном пространстве вызывают широкий общественный резонанс не только в России, но и за рубежом. Это связано, главным образом, с серьезными негативными последствиями массового распространения контента, разжигающего ненависть. Особенно данная проблема обостряется в условиях глокализации, в точках столкновения глобальных и локальных информационных потоков.

Ярким историческим примером является свободное хождение книги Адольфа Гитлера «Моя борьба». В. Клемперер, филолог еврейского происхождения, которому удалось выжить в нацистской Германии, пишет об этом так: «Для меня всегда оставалось загадкой в Третьей империи: как могли они допустить распространение этой книги, мало того – принуждать к этому распространению, и каким образом Гитлер пришел к власти и продержался двенадцать лет, несмотря на то что библия национал социализма имела хождение уже за несколько лет до захвата власти» [2]. Таким образом, язык вражды – это не просто слова, но и поступки, имеющие далеко идущие последствия, которые не всегда удается прогнозировать.

Само понятие «hate speech», которое чаще всего переводится на русский язык как «язык вражды» или «риторика ненависти», начали использовать американские юристы в 80-е годы XX века, когда в Соединенных Штатах Америки только начала выработываться модель урегулирования конфликта между свободой слова, гарантируемой Первой поправкой к Конституции США, и нормативными ограничениями расистской риторики [15]. А. Браун предполагает, что оно вошло в лексикон юристов на конференции в университете Хофстра, состоявшейся в 1988 году [10, р. 597]. Однако правовые инструменты, запрещающие публичные высказывания, разжигающие расовую, национальную или религиозную ненависть, появились раньше. Так, судья Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) Б. М. Зупанчич отмечает, что впервые речь, разжигающая ненависть, была криминализована Уголовным кодексом коммунистической Югославии еще в 1952 году [13].

В настоящее время язык вражды включает в себя не только расистские высказывания. Это любые формы выражения, дискриминирующие кого-либо на основании национальности, языка, места происхождения, пола, возраста, религиозных, политических и иных убеждений. При этом общепризнанного определения языка вражды не существует. Практика противодействия использованию языка вражды в публичном пространстве также отличается в разных регионах мира. Однако глокальный мир, который В. Рудометов описывает при помощи концептуальной метафоры «распространение волн» (wave transmission) [19, р. 403], требует переосмысления этих практик и выработки таких нормативных оснований противодействия языку вражды, которые не нарушали бы локальных традиций защиты свобода слова и соответствовали глобальным тенденциям.

В данной статье предпринята попытка сопоставления двух моделей противодействия, которые можно обозначить как американскую и европейскую.

Методы

Ключевым методом исследования выбран сравнительный анализ, поскольку он позволяет не только выявить ключевые особенности обозначенных моделей, но и сравнить перспективы их использования в условиях глокализации и развития информационно-коммуникационных технологий.

Результаты и обсуждение

В американской модели противодействия языку вражды наблюдается явный приоритет Первой поправки над нормами, ограничивающими или запрещающими язык вражды. Сила государственного принуждения применяется только в самых радикальных случаях. Пределы свободы слова довольно широки. Так, например, в нормативные границы в американской модели входит разрешенный в 1977 году Верховным Судом США марш членов Национал-социалистической партии Америки в форме с нацистской атрибутикой через деревню Скоки с компактным проживанием евреев, переживших Холокост [16]. Не найдено нарушений и в кейсе 2011 года с

Баптистской церковью Вестборо. Ее члены демонстрировали на похоронах солдата, убитого в Ираке, плакаты с надписями: «Слава Богу за мертвых солдат» и «Бог ненавидит США / Слава Богу за 9/11» [20].

Американская модель в определенной степени опирается на, так называемый, аргумент легитимности (Legitimacy Argument), согласно которому государственное регулирование языка вражды подрывает саму демократическую легитимность государства. Однако ограничение публичного использования языка вражды также может осуществляться на основании демократических мотивов, поскольку ненавистнические высказывания способны нарушать политическое равноправие граждан не в меньшей степени, чем их ограничение при помощи государственно-правовых механизмов [18, р. 2].

Европейская модель отличается более категоричным подходом к соблюдению баланса между свободой выражения мнения и запретом на дискриминацию лица или группы по расовому, национальному, половому, религиозному или иному признаку. ЕСПЧ, оценивая жалобы заявителей, считающих, что государство ограничило их свободу выражения, в первую очередь, использует следующий критерий: если риторика заявителя противоречит основным ценностям и принципам Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), то он не может претендовать на защиту, гарантированную ст. 10 Конвенции [3]. В противном случае Суд признает, что нарушается ст. 10, и заявитель привлечен к ответственности незаконно, даже если в его речи есть элементы вражды и ненависти.

Американская и европейская модели противодействия языку вражды имеют разные ценностно-нормативные основания. Франсуаза Тюлькенс, экс-вице-президент ЕСПЧ, подчеркивает, что в США доминирует доктрина «нет истины, есть только конкуренция идей», в то время как европейская традиция «...больше связана с балансированием частных и общественных интересов, защищая равенство и достоинство всех граждан и гарантируя сохранение признаков демократического правления» [22].

Голландский философ Франк Анкерсмит считает, что в США не без влияния Дж. Ролза принято «...рассматривать закон как парадигму всей политики», в результате чего «общество, которое пытается юридическими средствами решать вопросы, являющиеся по своей природе политическими, неизбежно оказывается слепым (точнее, самоослепленным) перед лицом наиболее животрепещущих проблем современности» [1]. По его мнению, логичнее обращаться к конфликту интересов, который позволяет увидеть реальные социальные проблемы и затем уже решить их, в том числе, и при помощи правовых инструментов. Тезисы Анкерсмита довольно удачно описывают разницу между американской и европейской моделями противодействия использованию языка вражды. Если в США существует ключевая норма (Первая поправка), которая определяет политику противодействия языку вражды, то в Европе каждый конкретный спорный случай представляет собой конфликт интересов и требует детального рассмотрения с учетом всех обстоятельств. В этой связи особый интерес

представляет практика ЕСПЧ по делам, связанным с запретом и ограничениями использования языка вражды.

Ключевым нормативным актом, которым руководствуется ЕСПЧ в анализируемой категории дел, является Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.). В первую очередь, Суд определяет, не является ли реализация заявителем права на свободу выражения злоупотреблением этим правом. Согласно ст. 17 Конвенции, лицо, группа лиц или государства не вправе воспользоваться защитой свободы выражения, если их действия направлены на «упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции» [3]. Так, например, ЕСПЧ апеллировал к ст. 17 Конвенции в деле Норвуд против Соединенного Королевства (2004 г.), полагая, что заявитель, член Британской национальной партии, злоупотребил своим правом на свободу выражения, когда выставил в окно баннер с надписью: «Ислам, вон из Британии – защитим британский народ» и с изображением горящих башен-близнецов и перечеркнутыми полумесяцем со звездой [7]. Еще один пример – дело Гароди против Франции (2003 г.). Жалоба заявителя, оспаривающего правомерность существования составов преступления против человечества, признана ЕСПЧ неприемлемой [6]. Аналогичное решение ЕСПЧ принял и по делам Иванов против России (2007 г.) [8], Белкачем против Бельгии (2017 г.) [14].

Если же Суд не находит признаков злоупотребления правом, его задачей становится оценка того, нарушена ч. 2 ст. 10 Конвенции в конкретном случае или нет. Для этого необходимо определить, предусмотрено ли ограничение свободы выражения законом, необходимы ли такие ограничения или санкции в демократическом обществе, а также установить цели применения ограничений.

Чтобы дать максимально объективную оценку и минимизировать агональность (игровой, состязательный момент) процедуры принятия решения, ЕСПЧ использует ряд критериев, последовательно оценивая не только спорный контент, но и контекст, а также субъекта, использовавшего публично язык вражды, статус потерпевшего/потерпевших, место распространения спорного контента.

Рассмотрим процесс применения данных критериев на примере кейса Савва Терентьев против России [5]. Постановление ЕСПЧ по данному делу вынесено 28.08.2018 г. В феврале 2007 г. заявитель опубликовал на блог-платформе «Живой Журнал» комментарий, в котором использовал элементы языка вражды в отношении милиционеров. Он был осужден по ст. 282 УК РФ и приговорен к лишению свободы условно сроком на 1 год. Согласно заключению экспертов, привлеченных в процессе расследования уголовного дела, Терентьев разжигал ненависть и вражду в отношении социальной группы «сотрудники милиции». В данном случае ЕСПЧ оценивал наличие или отсутствие нарушения ч. 2 ст. 10 Конвенции.

Ограничения, примененные в отношении заявителя, предусмотрены национальным законодательством. ЕСПЧ, оценивая данное положение ч. 2 ст.

10 Конвенции, не только анализировал национальное законодательство, но и исследовал вопрос, мог ли заявитель при надлежащей степени усмотрительности осознавать, что его действия могут повлечь за собой уголовное преследование. Так, например, в деле Касымуханов и Сайбаталов против России [4] заявители, члены Хизб ут-Тахрир, утверждали, что продолжали заниматься запрещенной деятельностью потому, что решение Верховного Суда Российской Федерации о признании Хизб ут-Тахрир террористической организацией было принято в 2003 г., а опубликовано в Российской Газете только в 2006 г. Уголовное преследование в отношении заявителей началось в 2004 г. Процедура публикации официального списка запрещенных в России террористических организаций была установлена только в марте 2006 г., однако сведения о запрете деятельности Хизб ут-Тахрир на территории РФ активно публиковались в СМИ. В итоге ЕСПЧ признал отсутствие нарушения ст. 7 Конвенции в отношении первого заявителя, осужденного по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, ч. 1 ст. 210 УК РФ и ч. 3 ст. 327 УК РФ, но зафиксировал нарушение в отношении второго заявителя, осужденного по ст. 205.1 и ст. 282.2 УК РФ, поскольку применение ст. 282.2 УК РФ (Основание или членство в экстремистской организации) возможно только в том случае, когда организация запрещена решением суда, т.е. публикация такого решения имеет принципиальное значение для осуществления уголовного преследования.

Терентьев был осужден по ч. 1 ст. 282 УК РФ, следовательно, здесь нельзя было ссылаться на незнание закона, однако ЕСПЧ признал, что российские суды столкнулись с прецедентом, который еще не получил судебного толкования. Впрочем, ЕСПЧ исходил из того, что вмешательство в свободу выражения в данном случае было предусмотрено законом в том смысле, как это определено ч. 2 ст. 10 Конвенции.

Далее ЕСПЧ оценивал законность целей вмешательства в свободу выражения заявителя. Согласно ч. 2 ст. 10 Конвенции вмешательство законно тогда, когда необходимо защитить общие интересы, права личности или поддержать авторитет и беспристрастность правосудия. В анализируемом кейсе национальные суды защищали репутацию других лиц, следовательно, цель ограничения свободы выражения заявителя имеет законный характер.

Наконец, самый сложный вопрос касался оценки необходимости вмешательства в демократическом обществе. Для ответа на этот вопрос ЕСПЧ в анализируемой категории дел оценивает совокупность различных факторов, учитывая взаимодействие между ними. В частности, оценивается само содержание спорного контента, затем контекст, в котором он был размещен в публичном пространстве, возможные социальные последствия, причины, побудившие национальные суды вмешаться, а также соразмерность санкций, наложенных на заявителя.

Сам комментарий Терентьева, безусловно, имеет признаки языка вражды [5]. Однако ЕСПЧ еще в 1976 г. в деле Хэндисайд против Соединенного Королевства [11] заявил, что свобода выражения мнений распространяется и на такую информацию, которая шокирует, оскорбляет или беспокоит государство

или какую-либо часть населения. В деле Терентьева ЕСПЧ посчитал, что комментарий эмоционально насыщен, оскорбителен, содержит провокационные метафоры, которые, однако, некорректно интерпретировать как прямой призыв к физическому уничтожению сотрудников милиции путем сожжения.

К данному выводу ЕСПЧ пришел путем анализа контекста, в котором фигурировал спорный контент. Поскольку заявитель отреагировал на публикацию, где описывалось злоупотребление властью сотрудниками милиции, ЕСПЧ усмотрел возможность интерпретировать комментарий как острую критику деятельности данного правоохранительного органа. Использование слова «сожжение» ЕСПЧ расценил как символический протест против коррупции. Аналогичная интерпретация была дана ЕСПЧ в деле Таулатс и Кагемера против Испании [21] в 2018 г. Заявители подожгли фотографии королевской четы на публичной демонстрации во время визита короля в Жирону в сентябре 2017 г. ЕСПЧ посчитал, что привлечение заявителей к ответственности противоречит положениям ст. 10 Конвенции.

Далее, ЕСПЧ оценил статус заявителя и группы, в отношении которой он использовал язык вражды. Как правило, ЕСПЧ защищает публичных лиц, в частности, политиков, которые озвучивают спорный контент в публичных дебатах (кейс Перинчек против Швейцарии) (жалоба № 27510/08, Эрбакан против Турции (жалоба № 59405/00) и др.). Терентьев на момент написания комментария не являлся популярным блогером, политическим лидером или иным публичным лицом, способным оказывать существенное влияние на общественное мнение. В то же время, социальная группа «сотрудники милиции» не является, по мнению ЕСПЧ, социально незащищенной. Напротив, они должны проявлять особую терпеливость к высказываниям в духе языка вражды, если нет реальной опасности причинения вреда.

В Республике Коми, где проживал Терентьев на момент написания комментария, не наблюдалось социальной напряженности, отсутствовала атмосфера враждебности в отношении органов правопорядка, поэтому публичное использование языка вражды вряд ли могло повлечь за собой физическое насилие в отношении сотрудников милиции.

Оценивая потенциальное воздействие спорного комментария на аудиторию, ЕСПЧ установил, что, несмотря на размещение текста в сети Интернет, интерес к нему возрос только после возбуждения уголовного дела в отношении заявителя. Привлечение общественного внимания к такого рода кейсам способствует распространению языка вражды в публичном пространстве и, следовательно, повышает риски негативных последствий его использования. Даже если лицо не имеет цели возбуждения ненависти или вражды, негативные последствия публичного обращения к языку вражды могут быть настолько существенными, что это служит основанием для привлечения лица к ответственности. Так, например, в деле Йерсилд против Дании [12] заявителя, который снял документальный фильм про группу «Green jackets», дискриминирующую мигрантов и этнические группы в Дании, осудили за

подстрекательство и распространение расистских высказываний. При этом Йерсилд не преследовал подобных целей. Напротив, он пытался проанализировать деятельность группы «Green jackets», выяснить, чем обоснованы их убеждения и поступки. ЕСПЧ в этой связи установил нарушение ст. 10 Конвенции, подчеркивая, что цель распространения спорного контента имеет принципиальную значимость. Впрочем, оценка намерений составляет существенную сложность для правоприменителя.

Еще один фактор, оцениваемый ЕСПЧ, – это пропорциональность наказания совершенному деянию. Терентьев был приговорен к лишению свободы, что является довольно серьезным наказанием с учетом наличия других средств ограничения свободы выражения мнений. Оценив совокупность факторов (содержание спорного контента, контекст, в котором он фигурировал, а именно в отношении кого использовался язык вражды, кто разместил контент, каковы возможные последствия размещения, пропорциональность примененной санкции содеянному), ЕСПЧ пришел к выводу о том, что в данном деле нарушена ст. 10 Конвенции, поскольку вмешательство в свободу выражения заявителя не являлось необходимым в демократическом обществе.

Проблематизирует ситуацию то, что оценка спорного контента и контекста, наличия настоятельной общественной потребности неизбежно связана с определенной долей субъективизма оценивающего. Судья ЕСПЧ Андраш Шайо акцентировал внимание на этой проблеме в своем особом мнении по делу Фере против Бельгии: «Регулирование контента и ограничения содержания на основе контента основаны на предположении о том, что некоторые выражения противоречат духу Конвенции. Но «духи» не дают четких стандартов и открыты для злоупотреблений...» [9].

Несмотря на данную проблему, необходимо отметить, что ЕСПЧ оценивает всю совокупность факторов, не ограничиваясь только необходимостью вмешательства или только содержанием спорного контента. Это позволяет минимизировать субъективность принимаемых решений.

В целом, выработанная ЕСПЧ практика логична и последовательна, однако в настоящее время противодействие языку вражды осложняется, поскольку в условиях глокализации, а также развития Интернет-коммуникаций ощущается потребность в выработке единой модели противодействия публичному использованию языка вражды. Это связано с тем, что на территории государства, где реализуется более либеральная модель, может создаваться контент, который адресован лицам, проживающим на территории других государств, где он является незаконным. Ограничение такого контента должно быть строго урегулировано во избежание злоупотреблений в сфере ограничения свободы получения информации. В качестве примера можно привести кейс 2008 года, когда Федеральное МВД Германии запретило датскому телеканалу Рож ТВ (Roј TV) осуществлять свою деятельность на территории Германии. Roј TV выпускал программы на курдском языке, и в некоторых из них оправдывалась деятельность РПК – Рабочей партии Курдистана. Сложилась ситуация, когда контент не противоречил

законодательству государства-члена ЕС, откуда он транслировался, но противоречил законодательству государства, на территории которого осуществлялось вещание [17].

Еще рельефнее данная проблема просматривается с публикациями в сети Интернет, несмотря на довольно обширную нормативную базу, регламентирующую порядок реагирования на использование языка вражды в сети (Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, касающийся криминализации актов расистского и ксенофобского характера, совершенных через компьютерные системы (Серия европейских договоров № 189, 2466 UNTS 205), Code of Conduct on countering illegal hate speech online, Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce'), Additional Protocol to the Convention on Cybercrime 2003 и др.). В этой связи можно говорить о том, что, с одной стороны, назрела необходимость в сближении американской и европейской моделей противодействия языку вражды. С другой стороны, необходимо учитывать локальные контексты, в которых формируется та или иная нормативная интерпретация языка вражды. Как отметила судья ЕСПЧ А. Ю. Юдковская в совпадающем мнении по делу Вейделанд и другие против Швеции, американский подход, в котором язык вражды допускается до тех пор, пока он не станет угрозой неизбежного насилия, задает очень высокие стандарты, но «...по многим хорошо известным политическим и историческим причинам Европа сегодня не может позволить себе роскоши такого видения первостепенной ценности свободы слова» 13.

Заключение

Оценка перспектив использования рассмотренных моделей в условиях глокализации напрямую зависит от того, что имеет приоритет в локальной системе ценностей.

Если одной из приоритетных ценностей выступает безопасность (личная, государственная, экономическая, информационная и т.п.), то европейская модель противодействия языку вражды как более «жесткая» представляется более перспективной для использования. Если же преимущество перед безопасностью имеет ценность развития, предпочтение может быть отдано американской модели. В этой связи можно предположить, что в контексте современных российских правовых реалий европейская модель представляет больший интерес, чем американская. Достаточно взвешенным является многоступенчатый анализ ситуации, когда судом учитывается не только содержание спорного контента, но и историко-культурный контекст, характеристики субъектов, использующих язык вражды, объектов, которым он адресован. В то же время, требует усовершенствования процедура оценки того, противоречит спорный контент «духу» Конвенции или нет, для минимизации субъективизма и влияния личных ценностных предпочтений судьи при принятии решений по делам, связанным с публичным использованием языка вражды.

В любом случае, необходимо акцентировать внимание на том, что свобода слова несмотря на свою фундаментальную значимость в глобальном мире не может защищаться любой ценой. Это только способ достижения основной цели – формирования и воспроизводства демократического общества в условиях развития информационно-коммуникационных технологий и беспрецедентного расширения публичного пространства.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2004/2/anker2.html> (дата обращения: 26.04.2019).
2. Клемперер В. ЛТИ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. 1946. URL: <https://e-libra.ru/read/329741-lti-yazik-tretego-rejha-zapisnaya-knizhka-filologa.html> (дата обращения: 02.08.2019).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Постановление ЕСПЧ от 14.03.2013 «Дело «Касымахунов и Сайбаталов (Kasymakhunov and Saybatalov) против Российской Федерации» (жалоба № 26261/05 и 26377/06) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление ЕСПЧ от 28.08.2018 «Дело «Савва Терентьев (Savva Terentyev) против Российской Федерации» (жалоба № 10692/09) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Решение ЕСПЧ от 24.06.2003 «По вопросу приемлемости жалобы № 65831/01 «Роже Гароди (Roger Garaudy) против Франции» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Решение ЕСПЧ от 16.11.2004 «О приемлемости жалобы № 23131/03 «Марк Энтони Норвуд (Mark Anthony Norwood) против Соединенного Королевства» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Решение ЕСПЧ от 24.02.2007 «По вопросу приемлемости жалобы № 35222/04 «Павел Иванов против России» // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
9. Affaire Féret c. Belgique (Requête no 15615/07). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93626>.
10. Brown A. What is Hate Speech? Part 2 : Family Resemblances // Law and Philosophy. 2017. Vol. 36. Issue 5. P. 561-613. DOI: 10.1007/s10982-017-9300-x.
11. Case of Handyside v. the United Kingdom (Application no. 5493/72). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499>.
12. Case of Jersild v. Denmark (Application no. 15890/89). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57891>.
13. Case of Vejdeland and Others v. Sweden (Application no. 1813/07). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109046>.

14. Décision Cour européenne des droits de l'homme 27.06.2017 Requête no 34367/14 Fouad Belkacem contre la Belgique. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175941>.
15. Matsuda M. J. Public Response to Racist Speech : Considering the Victim's Story // Michigan Law Review. 1989. № 8. Vol. 87. P. 2320-2381.
16. National Socialist Party of America v. Village of Skokie, 432 U.S. 43 (1977). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/432/43/>.
17. Pégorier C. A Tale of Two Organs : Hate Speech Regulation in the European Context // EU Law Analyses. Sunday, 30 October 2016. URL: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2016/10/a-tale-of-two-organs-hate-speech.html>.
18. Reid A. Does Regulating Hate Speech Undermine Democratic Legitimacy? A Cautious 'No' // Res Publica. 2019. P. 1-19. <https://doi.org/10.1007/s11158-019-09431-6>.
19. Roudometof V. Theorizing glocalization : Three interpretations // European Journal of Social Theory. 2016. Vol. 19. Issue 3. P. 391-408. <https://doi.org/10.1177/1368431015605443>. P. 403
20. Snyder v. Phelps, 562 U.S. 443 (2011). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/562/443/>.
21. Stern Taulats and Roura Capellera v. Spain, 51168/15 and 51186/15 // Case-law of the European Court of Human Rights. 2018. March (no 216). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181719>.
22. Tulkens F. When to say is to do Freedom of expression and hate speech in the case-law of the European Court of Human Rights, in : Freedom of expression : essays in Honour of Nicolas Bratza / [eds.] Josep Casadevall... [et al.]. Oisterwijk : Wolf Legal Publishers, 2012. P. 279–296.

References

1. Ankersmit F. Reprezentativnaya demokratiya. Esteticheskiy podkhod k konfliktu i kompromissu (Representational democracy: an aesthetic approach to conflict and compromise) // Logos. 2004. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2004/2/anker2.html> (data obrashcheniya: 26.04.2019).
2. Klemperer V. LTI. Yazyk tret'ego reykhya. Zapisnaya knizhka filologa (The Language of the Third Reich : Lti - Lingua Tertii Imperii : A Philologist's Notebook). 1946. URL: <https://e-libra.ru/read/329741-lti-yazik-tretego-rejha-zapisnaya-knizhka-filologa.html> (data obrashcheniya: 02.08.2019).
3. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Rim, 04 noyabrya 1950 g.) (Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 4.XI.1950) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 2. St. 163.
4. Postanovlenie ESPCh ot 14.03.2013 «Delo «Kasymakhunov i Saybatalov (Kasymakhunov and Saybatalov) protiv Rossiyskoy Federatsii» (zhaloba № 26261/05 i 26377/06) (Case of Kasymakhunov and Saybatalov v. Russia (Applications No. 26261/05 and 26377/06) // Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

5. Postanovlenie ESPCh ot 28.08.2018 «Delo «Savva Terent'ev (Savva Terentyev) protiv Rossiyskoy Federatsii» (zhaloba № 10692/09) (Case of Savva Terentyev v. Russia (Application No. 10692/09) // Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

6. Reshenie ESPCh ot 24.06.2003 «Po voprosu priemlemosti zhaloby № 65831/01 «Rozhe Garodi (Roger Garaudy) protiv Frantsii» (Garaudy v France, Admissibility Decision (Application No. 65831/01) // Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

7. Reshenie ESPCh ot 16.11.2004 «O priemlemosti zhaloby № 23131/03 «Mark Entoni Norvud (Mark Anthony Norwood) protiv Soedinennogo Korolevstva» (Mark Anthony Norwood v. United Kingdom, Admissibility Decision (Application No. 23131/03) // Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

8. Reshenie ESPCh ot 24.02.2007 «Po voprosu priemlemosti zhaloby № 35222/04 «Pavel Ivanov protiv Rossii» (Pavel Ivanov v. Russia, Admissibility Decision (Application No. 35222/04) // Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy «Garant».

9. Affaire Féret c. Belgique (Requête no 15615/07). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93626>.

10. Brown A. What is Hate Speech? Part 2 : Family Resemblances // Law and Philosophy. 2017. Vol. 36. Issue 5. P. 561-613. DOI: 10.1007/s10982-017-9300-x.

11. Case of Handyside v. the United Kingdom (Application no. 5493/72). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499>.

12. Case of Jersild v. Denmark (Application no. 15890/89). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57891>.

13. Case of Vejdeland and Others v. Sweden (Application no. 1813/07). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109046>.

14. Décision Cour européenne des droits de l'homme 27.06.2017 Requête no 34367/14 Fouad Belkacem contre la Belgique. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175941>.

15. Matsuda M. J. Public Response to Racist Speech : Considering the Victim's Story // Michigan Law Review. 1989. № 8. Vol. 87. P. 2320-2381.

16. National Socialist Party of America v. Village of Skokie, 432 U.S. 43 (1977). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/432/43/>.

17. Pégorier C. A Tale of Two Organs : Hate Speech Regulation in the European Context // EU Law Analyses. Sunday, 30 October 2016. URL: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2016/10/a-tale-of-two-organs-hate-speech.html>.

18. Reid A. Does Regulating Hate Speech Undermine Democratic Legitimacy? A Cautious 'No' // Res Publica. 2019. P. 1-19. <https://doi.org/10.1007/s11158-019-09431-6>.

19. Roudometof V. Theorizing glocalization : Three interpretations // European Journal of Social Theory. 2016. Vol. 19. Issue 3. P. 391-408. <https://doi.org/10.1177/1368431015605443>. P. 403

20. Snyder v. Phelps, 562 U.S. 443 (2011). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/562/443/>.

21. Stern Taulats and Roura Capellera v. Spain, 51168/15 and 51186/15 // Case-law of the European Court of Human Rights. 2018. March (no 216). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181719>.

22. Tulkens F. When to say is to do Freedom of expression and hate speech in the case-law of the European Court of Human Rights, in : Freedom of expression : essays in Honour of Nicolas Bratza / [eds.] Josep Casadevall... [et al.]. Oisterwijk : Wolf Legal Publishers, 2012. P. 279–296.

Коваль Екатерина Александровна, главный научный сотрудник отдела научных исследований Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске (430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6), доктор философских наук. Занимается изучением вопросов нормативности морали, права, религии. Автор более 120 научных и учебно-методических работ.

E-mail: nwifesc@yandex.ru.

Koval Ekaterina Alexandrovna, doctor of philosophical sciences, Chief researcher, Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk, (430003, Russian Federation, Saransk, 6 Fedoseenko str.). Engaged in studying the problems of moral, law and religion normativity. The author of over 120 scientific and educational works.

E-mail: nwifesc@yandex.ru.